

ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

эротические новеллы 1848–1861

ОРГИИ ПОРУЧИКА

Александр Гордин

18+

Александр Гордин

ОРГИИ ПОРУЧИКА | «Постель Российской Империи»

<https://litres.ru/74389053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эротическая новелла 18+ из цикла «Постель Российской империи»: Поручик кличет на спор — кто дольше продержится. В доме терпимости под Смоленском. Шляпа с чужими желаниями идёт по кругу, и каждый исполняет не своё.

Кисея хрустит на груди. Кожа блестит от жара. Пальцы вяжут запястья к подлокотникам, и не отпускают, пока не кончится время. Голый поручик стоит посреди зала — ему велено только смотреть.

Ржевскому двадцать семь. Ему хочется, чтобы девки хохотали не для виду. Чтобы садились сами, до конца, и держали взглядом дольше, чем телом. Чтобы утром сказать в полку: никто не устыдился.

За порогом — уже другая женщина. Замужняя, в чёрном веере, не такая сговорчивая. С ней придётся тише. С ней придётся дольше. С ней придётся по-настоящему.

Оргии поручика. Гусарская эротика 1859 года. Цикл «Постель Российской империи».

Содержание

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Гордин

ОРГИИ ПОРУЧИКА

| «Постель

Российской Империи»

Новелла из цикла «Постель

Российской Империи»

На четвёртый вечер метели в чистой половине Волчьей Станции остались трое. Отец Филарет за перегородкой уже спал. Купец ушёл к ямщикам — там жарче и водка дешевле. Аграфена Михайловна принесла колоду, штоф и три мутные рюмки, поставила на стол и вышла, притворив дверь плотнее, чем нужно.

Колода была станционная, засаленная, с отогнутым углом у дамы пик. Князь Аркадий Николаевич Репнин, тридцати пяти лет, перетасовал её коротко, по-полковому, и пододвинул снимать Илье Савельевичу Черкасскому — зажиточно-му помещику из Тульской губернии. Поручик Семён Алексеевич Ржевский, двадцати семи, сидел против них, расстегнув ворот мундира, и крутил пустую цепочку на жилете — часов на ней не было.

Играли в преферанс по маленькой. За окном тот же снег, что и вчера, и позавчера, и третьего дня: тракта между Москвой и Нижним Новгородом как будто и не было.

— Шесть пик, — сказал Репнин.

Черкасский снёс и хмыкнул в усы.

— Вчера, поручик, вы нам про четырёх девок начали рассказ — да поперхнулись на полуслове. Теперь поп спит, барышень рядом нет. Давайте, не скромничайте.

Ржевский осклабился и сбросил семёрку.

— Дык я и не скромничаю, Илья Савельевич. Я ждал компании. При бабах и при рясе такое обычно не рассказываю — язык засыхает. А при двух старых солдатах — самое то. Князь, вы ж тоже не в монастыре служили?

Репнин не оторвал глаз от карт.

— Служил. Только не тяните: семь без козыря заказаны, вистовать надо, а не слушать полковые сказки.

Ржевский отпил, крикнул и заговорил уже не торопясь — так, как говорят, когда карта плохая, а слушатели никуда не денутся.

— Так вот. Не в Могилёве это было, вру — язык занёс. Под Смоленском. Ельня. Постой, осень пятьдесят девятого. Полку жалованье выдали, лошади отъелись на дармовом овсе, а нам девать себя было решительно некуда — хоть волком вой от скуки, хоть самого коменданта грызи. Из развлечений только дешёвый кабак да бабы. Но в уездном дворянском собрании — купчихи, две дочки исправника, да дво-

рянские барышни, от которых мамыши не отходят ни на шаг: на мазурку вызови — на другой день сваты. А нам такого счастья даром не надобно. Ну, четверо эскадронных — ротмистр, штабс-ротмистр, корнет да я — и снарядились. Не к барышням — а за острог, в дом весёлого разврата: там за двугривенный сразу ясно, кто ты и зачем пришёл. Без добродетели и без вранья.

Публичный дом стоял в два света, с красным фонарём над калиткой. Хозяйка — Софья Львовна, лет под сорок, вдова прапорщика, француженка по вывеске, орловская по выговору. Держала семь девок, все на общих правах, но мне из них глянулись лишь четыре — самые смазливые и на выдумку падкие. Все на жёлтом билете, все у врачебно-полицейского комитета на учёте. Лет — от двадцати до двадцати четырёх, как у всего этого промысла. Старше Софья Львовна не держала: говорит, норов появляется.

Старшую из четырёх на самом деле звали Дашкой, а величали Лукрецией — у Софьи Львовны заведено было девушкам кличку позвончее давать, для форса. Двадцать четыре. Грудь высокая, тяжёлая, соски крупные, всегда наружу проступали сквозь кисею. С родинкой у левого уха, голос низкий — в доме давно, билет третий год. Вторая — Жоржетта, двадцать три, рыжая, смешливая. Третья — Генриетта, двадцать два, тихая, бёдра широкие, крепкие. Младшая — Фроська, без прозвания, ровно двадцать, ноги от ушей, мордашка смазливая.

— Так вот, господа, нас тогда пришло всего четверо. Шампанское было — не Рёдерер, а то, что Софья Львовна выдаёт за французское, лишь бы пробка хлопнула. Выпили сразу в прихожей, стоя ещё в шинелях: в зале топили так, что мундир лип к спине.

Тут наш ротмистр, уже хмельной, и завёл разговор о непорядке: солдат месяц строят, а баб распускают без строя во-все, — вот бы, говорит, и им смотр учинить, как на плацу. Софья Львовна только руками всплеснула, будто давно ждала этой команды, и подхватила: умница, ваш-благородие, беспорядка не терплю, девки застоялись без учений, — сейчас я вам роту построю. И кликнула в зал уже не «девоньки», а как на развод. Вышли все семь. Свечи на стенных бра оплывали, в зале было тепло по-гостиному, душно от тесноты и дешёвых духов. На щеках у девок сразу выступил румянец.

Ротмистр встал перед ними, как перед ротой, скомандовал равняться да смирно стоять — и, посмеиваясь, потребовал, чтобы груди в одну линию. Девки, хохоча, вытянулись кто как умел. Лукреция — по-настоящему: плечи назад, кисея натянулась так, что тёмные ореолы сосков проступили ровно, как две печати. Ротмистр пошёл вдоль строя и «правил стойку» ладонью: кому огладил бедро, кому провёл ребром ладони под грудью. Когда дошёл до Лукреции, задержался, пальцем поддел кисею прямо на соске — ткань зацепилась, натянулась и соскочила с сухим щелчком, будто взвели ку-

рок, — и присвистнул: амуниция на месте, и, кажется, уже заряжена.

Жоржетта выпятила бедро ему под ладонь нарочно и отозвалась, что у неё-то заряжено всегда — хоть сейчас в атаку. Он хлопнул её по крутому заду и оставил ладонь лежать. Она крутанула бёдрами.

Тут он велел провести переключку — по имени да по латам. Лукреция — двадцать четыре; Жоржетта — двадцать три, сразу облизывала губу; Генриетта, двадцать два, хихикнула в ладонь, а когда ротмистр скользнул пальцем ей между бёдер, не отшатнулась — подалась на палец, тихо, всем весом. Фроська, двадцать, только покраснела до шеи и не знала, куда деть руки.

— Таким манером я и узнал всем возраст разом, Илья Савельевич. Полковой писарь позавидовал бы, — пояснил Ржевский, отпивая из рюмки, чтобы промочить горло.

Так вот, опосля ротмистр скомандовал «вольно» — и велел раздеваться сверху, медленно. Лукреция сняла кисею, будто снимает перчатку; ткань поползла, зацепилась, повисла — и упала к ногам. Голую кожу тут же обдало теплом зала, грудь качнулась и замерла — плечи она так и не свела. Жоржетта стянула своё через голову разом, рыжие волосы встали дыбом, веснушки сыпались от ключиц вниз — будто им никакого приличия и не писано. Генриетта возилась с завязками дольше всех — и знала, что делает: пока развязывала, все глядели только туда. Фроська замешкалась, прикрылась

локтем — и всё-таки сняла; оставила одну юбку до колен.

В зале стало тихо. Слышно было, как кто-то из наших нетерпеливо сглотнул. Как капнула стеарином свеча. И ещё — как у самой Фроськи дрожь колотилась в горле, в том сорванном дыхании, что вырывается, когда стыд и любопытство тянут в разные стороны.

Тут бы ротмистру крикнуть «заряжай» — и дело кончилось бы по-солдатски, грубо и скоро. Ан нет. Софья Львовна, видя, что господ несёт, вынесла из прихожей шляпу — не свою, нашу, с околышем. Карандаш — в руке, другой за ухом, на подносе бумажки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.